

Страстная любовь к жизни и людям

Орёл — город Леонида Андреева. Его детство прошло на улице 2-й Пушкарной.

«Я помню, — писал Андреев в 1918 году, — мои детские впечатления огромности от орловского дома и сада... Помню, что в течение многих лет я всё ещё не мог исследовать, как следует, все таинственные углы, чердаки, подвалы и сарай... То же и с садом».

Уроженец Пушкарной слободы, он писал об этой части города и о величественном храме Михаила Архангела в рассказах «Весенние обещания», «Молчание»... На Пушкарных, Посадских улицах, в прилегающей к ним Стрелецкой слободе поселил Андреев своих мальчишек («Ангелочек» и «Гостинец»), героев рассказов «Весной», «Алёша-дурачок», «Буяника», «На реке», пьесы «Младость», романа «Сашка Жегулёв».

Да и сам литературный дебют состоялся благодаря этим же орловским реалиям. Весной 1898 года по просьбе редакции московской газеты «Курьер» молодой помощник присяжного поверенного Леонид Андреев написал специально для пасхального номера рассказ «Баргамот и Гарасьяка».

Эта история о городском и его подопечном открыла Андрееву путь к литературной славе. И этот же рассказ создал ещё одну орловскую достопримечательность. Откроем томик Андреева:

«Часу в десятом тёплого весеннего вечера Баргамот стоял на своем обычном посту, на углу Пушкарной и 3-й Посадской улиц. Настроение Баргамота было скверное. Завтра светлое Христово воскресенье, сейчас люди пойдут в церковь, а ему стоять на дежурстве до трёх часов ночи, только к разговорам домой попадёшь...»

Историк литературы Николай Фатов, много общавшийся с ровесниками из орловского окружения писателя, сделал такой вывод об истоках его мировоззрения: «Стремление к контрастам, к мыслям о жизни и смерти, ужас одиночества, космический ужас перед бытием и небытием, благоговейное отношение к природе и страстная любовь к людям и жизни — всё это складывалось там, на орловских просторах».

Этим и интересен читателям Андреев, в этом его писательские уроки младшим собратям по перу, в том числе современным орловским литераторам. Не закапываться в мирскую

Андреевы были прихожанами церкви Михаила Архангела. Здесь священник крестил их первенца — Леонида

рутину, в провинциальное бытие, а смело ставить общечеловеческие и общемировые вопросы. Андреев в годы Первой мировой войны писал своему современнику Ивану Шмелёву: «То, что Вы пишете о прелести России, красках и голосах, близко мне, дорого и мило, а порою овладевает душой и воображением с такой силой, что хоть лети туда. Но сейчас мне хочется и душе моей надобно другое... Тепе-

решняя война, наряду с национальным разлившая чувство широкого космополитизма, волнует меня образами стран и народов, ещё мне неизвестных, тянет не только в глубину, но и в высоту и ширь. И тишина сейчас действует на меня, как самый губительный яд — а что такое Ока и Кама, как не тишина». И ещё одно признание Шмелёву: «Люблю Москву, но люблю и Рим, и без Рима мне труднее прожить, чем

без Москвы; люблю Орловскую губернию и Волгу, но люблю и шхеры в Норвегии — и всё, что есть жизнь. Мечта моя: жить во всём».

Произведения Андреева кому-то могут показаться болезненными по содержанию, но они — отражение времени, захваченного яростной борьбой и погоней за новыми идеалами. Лев Толстой говорил о его прозе и драматургии примерно так: «Андреев пугает, а нам не

страшно». Поглощённый духом модернизма и богоборчества (авторское антихристианство), Андреев всегда был ультрасовременным: на месте патриархальной России в будущем ему виделась русская Америка.

Взгляды Андреева, понятно, разделяли далеко не все. Многие его ругали, даже на малой родине. В орловских губернских газетах 1919 года можно было встретить такие уничтожительные строки: «У г-на Андреева был некогда небольшой талант. Но никогда не было у него даже и небольшого ума. Удачные его вещи производили впечатлительные и красотою фразы; мысли же г. Андреева всегда были плоские, претенциозны, часто прямо глуповаты». Эти злые фразы стали прелюдией к целым десятилетиям забвения и небрежительного отношения к творчеству самого широко издаваемого русского писателя начала XX века.

Благо, пора невежественных оценок прошла. Андреев вернулся к читателю. Есть его книги, есть книги о нём, музей в родном доме. Будем надеяться, что со временем появится в Орле и достойный памятник талантливому писателю-орловцу.

Алексей КОНДРАТЕНКО